

## **ПЕРВАЯ ЛЫЖНЯ В КАВКАЗСКОМ ЗАПОВЕДНИКЕ**

До сих пор одной из наименее исследованных сторон биологии крупных млекопитающих Кавказа является их зимний образ жизни. Причины этого коренятся в суровых условиях полевой работы в горах в зимний период. Между тем зима для многих животных и, в особенности, для представителей отряда копытных (благородный олень, косуля, серна, тур, кабан), является одним из самых критических периодов года. Зимой для копытных больше всего затруднено добывание корма, сосредоточивание животных в поисках корма на сравнительно небольшой территории, как это имеет место в горных районах, ведет к распространению паразитарных заболеваний, облегчает деятельность хищникам и повышает конкуренцию между отдельными особями и видами. Указанные моменты, имеющие определенное значение для численности копытных, побудили Охотстанцию Кавказского Государственного Показательного Заповедника организовать на территории заповедника ряд работ по изучению зимней биологии этих животных.

Кавказский заповедник расположен в западной части Главного хребта. Последний вместе с сложной системой боковых отрогов занимает большую часть территории заповедника. Западная и южная граница заповедника на значительном протяжении проходит по южному склону Главного хребта, в сравнительно незначительном удалении от водораздельного гребня. Северная граница заповедника более удалена от Главного хребта и граничит с системой скалистого хребта. Главный хребет, начинающийся на северо-западе у Анапы небольшими холмами, по мере движения на юго-восток все больше поднимается. На территории заповедника он достигает высоты снеговой линии, а отдельные поднятия превышают 3000 м. Горная гряда здесь уже является грозной стеной, проходимой далеко не во всех местах. Наиболее удобными перевалами в пределах заповедника считаются Белореченский, Чугуш, Псеашхо и Аишхо. Горная полоса Западного Кавказа славится исключительной снежностью зим. Толщина снежного покрова здесь нередко достигает 3-х — 4-х метров, а иногда и больше. Например, в марте 1932 г. по данным метеостанции Аишхо (1980 м) глубина снежного покрова превышала 6 метров. Снег в лесной зоне отличается рыхлостью, на южных же склонах в высокогорье он настолько уплотняется, что по крепости приближается к фирну. Вследствие этого зимнее передвижение в горах заповедника встречает большие трудности.

Местное население для ходьбы по глубокому снегу применяет особый род лыж — «круги» или «ступы». Эти лыжи представляют из себя прутьяной круг, переплетенный ремешками и бечевками. Нога к кругу прикрепляется наглухо. Такие лыжи совершенно не позволяют скользить по снегу. Кроме того движение в них затруднено тем, что при каждом шаге ногу приходится несколько откидывать в сторону. В условиях сильно пересеченной местности и по рыхлому снегу больше 4—5 километров за день на таких лыжах сделать нельзя. Более совершенных лыж Западный Кавказ до самого последнего времени не знал. Для зимней работы Охотстанции Кавказского заповедника также приходилось пользоваться местными «кругами», что сильно сокращало ее подвижность и отражалось на эффективности всей работы. После первого зимнего перехода на «кругах» через Главный хребет в 1934 г., предпринятого с целью изучения распределения снежного покрова в горах, похода — едва не кончившегося катастрофой, мною было решено обратиться за помощью в центральный совет ОПЭТ для опробования в заповеднике лыж систе-

мы «Телэмарк»<sup>1</sup>. На эту мысль меня натолкнула небольшая книжечка известного альпиниста Л. Бархаша «Первая лыжня в Сванетии», изд. 1933 г. Центральный совет пошел навстречу заповеднику, и, в конце концов, был заключен договор на совместное зимнее обследование глубинных районов заповедника на лыжах. В феврале 1935 г. в Кавказский заповедник прибыла из Москвы группа лыжников, совместно с Охотстанцией обследовавшая верхнюю часть бассейна р. Киши. Во время этих походов сотрудники станции освоились с началами горнолыжной техники. Лыжи системы «Телэмарк» уже за этот период работы полностью оправдали возлагавшиеся на них надежды. В марте этого же года было намечено вторично пересечь Главный хребет, но теперь уже на лыжах. Решено было идти через перевал Псеашхо (2000 м), местным населением считавшийся зимой непроходимым. Отправным пунктом должна была быть Охотстанция, расположенная на р. Кише у северной границы заповедника, конечным — Красная Поляна. Намеченный маршрут похода, начиная от Охотстанции, проходил сперва по Боковому хребту (горы Б. Бамбак и Джуга), являющемуся водоразделом бассейнов Белой и Лабы, затем спускался в долину реки Уруштен, откуда начинался подъем к перевалу Псеашхо. Общее протяжение маршрута от Охотстанции до Красной Поляны определялось в 90–100 км по сильно пересеченной местности с поднятием до 2500 м. Это расстояние мы рассчитывали пройти за 8 дней, включая однодневный отдых в пути. Летний главный маршрут через Кавказский заповедник в значительной части своего протяжения проходит западнее, и нами был оставлен как менее интересный с точки зрения возможности встречи зимовок копытных.

В задачи похода входило:

1. Выяснение возможности зимнего сообщения на лыжах через перевал Псеашхо между кордонами заповедника, расположенными на разных склонах хребта.
2. Изучение закономерностей распределения снежного покрова на склонах гор различной экспозиции и крутизны.
3. Изучение распределения снежного покрова в различных насаждениях и поясах гор.
4. Изучение распределения копытных по склонам в связи с глубиной снежного покрова и наличием кормов.
5. Биологические наблюдения за животным миром.
6. Изучение снеголома в различных типах леса и картографирование районов, подверженных лавинам.

В состав экспедиции вошло десять человек:

1. Насимович А.А., заведующий Охотстанцией, руководитель экспедиции.
2. Калиновский Н.Н. (ОПТЭ), врач, руководитель экспедиции.
3. Успенский Г.А., научный сотрудник Охотстанции
4. Белоглазов Г.И. (ОПТЭ), фотограф, альпинист.
5. Мальцев Ю. (ОПТЭ), инструктор горнолыжного спорта.
6. Любский С. (ОПТЭ), альпинист.
7. Буков П. (ОПТЭ), альпинист, завхоз экспедиции.
8. Никифоров А.В., наблюдатель Охотстанции.
9. Дементьев В.А., наблюдатель Охотстанции.
10. Оглобин С. (ОПТЭ).

---

<sup>1</sup> Лыжи против беговых (финских) сильно укорочены и утолщены и, кроме того, имеют особый изгиб и неравномерную толщину. Нога в лыже закрепляется наглухо, что облегчает управление лыжами.

По подготовке в горнолыжном спорте наш отряд распался на две группы. С одной стороны, представители ОПТЭ, большей частью хорошо владеющие горнолыжной техникой, часть из них альпинисты, имеющие в своем стаже серьезные горные переходы и поднятия на вершины (Эльбрус и другие).

С другой стороны, работники заповедника, вставшие на горные лыжи пятнадцать дней тому назад (наблюдатели до этого вообще не были знакомы со скользящими лыжами), но вместе с тем народ, привычный к тяжелым переходам, хорошо знакомый с условиями работы в заповеднике. Двое из них (Насимович и Никифоров) уже проделали зимою прошлого года переход без лыж через Кавказский заповедник, через перевал Чугуш. Опыт и знание местности, большая устойчивость на лыжах, как показали первые же дни похода, компенсировали недостаток горнолыжной техники (например, сотрудники заповедника не владели поворотом «Христиания», столь нужным в горах).

Переход, оказавшийся в отдельных участках очень тяжелым, в значительной мере закончился благополучно благодаря спаянности и дружности коллектива. Каждый из товарищей в течение перехода нес тот или другой участок работы (научной или хозяйственной), способствуя общему делу.

Все участники были снабжены лыжами системы «Телэмарк» и спальными мешками. В оборудование также входило: походная мастерская для починки лыж, мазь против подлипа и для торможения лыж, альпинистские веревки, ледоруб, альтиметры, фотоаппарат с большим запасом пластинок и т. д. Представители ОПТЭ имели удовлетворительную теплую одежду и брезентовые куртки, сотрудники Охотстанции в этом отношении были снабжены хуже. Вместе с десятидневным запасом провизии, состоящей из сухарей, молочных и мясных консервов, плиток горохового супа, риса, пшена, лапши, сливочного масла, сахара, конфет, какао, чая, лимонов и т. д., составлялся значительный груз. Вес рюкзака каждого из участников в момент выхода составлял от 24 до 30 кг.

## **К СНЕЖНЫМ ПОЛЯМ БАМБАКА**

7-го марта — день выступления в поход. Утром последняя проверка содержимого рюкзаков, последние торопливые сборы. Наконец все готово. Теперь в путь. Туда, на юго-восток, глубоко в горы, опять в царство зимы. Кажется несбыточным, что здесь вот, только что была весна, а там в горах, на расстоянии какого-нибудь дня пути лежит снег, и мы пойдем на лыжах. Все последние дни, проведенные на Охотстанции, были очень теплыми. Снег совсем согнало, местами зазеленела трава, по утрам в лесу звонко заливались зяблики. В природе чувствовалась весна. Днем сильно пригревало солнце. Последние ледяные припай, оставшиеся по берегам Киши, ломала поднывавшая вода. Река проснулась от зимнего оцепенения, и шум волны, бьющей о камни был слышен от самой станции... И только в канун похода погода резко изменилась, начавшийся с вечера дождь ночью перешел в снег. Утром седьмого снег продолжался, но земля на полянах была слишком теплой, и падающий снег быстро таял, превращаясь в грязь. Только в лесу белый ковер снова укрыл всю землю.

Станция расположена на высоте около 800 м над уровнем моря. Горы здесь несколько раздались и дали место небольшим полянам. Некогда по ним шла Киша, из года в год капризно менявшая свое русло. Вверх по Кише горы вновь сступаются. Река проходит глубокими ущельями, а лесные тропы выбираются выше на склоны соседних гор.



**Перед выходом на Кишинском кордоне**

Прямо от станции мы вступили в лес. Немного морозило. Идти было легко — несли одни лыжи. Вслед за нами шли лошади, тяжело нагруженные рюкзаками. Мы рассчитывали, что вещи удастся подвезти до первого ночлега...

Наш путь лежал сперва над правым берегом реки, затем река осталась далеко в стороне и внизу, тропа начала подниматься выше в горы. Прежде по ней возили из леса на быках дранку. Дорогой уже давно не пользовались для этих целей, она сильно заросла, местами обвалилась и превратилась в глухую горную тропинку. Кругом, куда ни глянешь, стена леса — высокие стройные буки, дубы, выделяющиеся своими ветвистыми стволами, изредка стройные ясени, граб, местами молодой осинник. Лишь ненадолго выходит тропа из леса на полянки. Несколько десятков шагов, и вы снова вступаете в лес. Лес наполнен шорохом падающего снега. Белый ковер еще очень тонок, и за нашим отрядом на нем остаются темные окна, следы башмаков и конских копыт. Лес кажется почти безжизненным, но это обманчиво. Несколько раз мы пересекали различные следы. Пара косуль и кабан, видимо, прошли совсем недавно, их след еще не запорошен снегом. Птиц совсем не слышно. За весь день я отметил только несколько зябликов и двух или трех снегирей, да где-то далеко черный дятел ударил клювом барабанную дробь. Птицы, когда идет снег, обычно молчат, от этого так тихо и пусто бывает в лесу.

С полдня снег пошел хлопьями. Кругозор еще более сузился. В лесу воцарилась своеобразная зимняя полумгла. Сделали попытку встать на лыжи, но вскоре же отказались от этого, так как многочисленные камни, еле прикрытые снегом, делали ходьбу на лыжах рискованной.

Ближе к Шише, притоку Киши, в лесу все чаще стали встречаться пихты. Это дерево любит северные холодные склоны гор. В начале пихта встречалась

отдельными низкорослыми деревьями, занимавшими нижние яруса леса, но дальше на склонах Бамбака это была уже господствующая порода. Шишу, небольшую речку, перешли по «кладке», переброшенной с берега на берег дереву.

От Шиши начался более серьезный подъем. Теперь мы поднимались на первые уступы Бамбака. Главный штурм горы нам предстоял на другой день.

Половина третьего пришлось встать на ночлег. Нужно было успеть вернуть лошадей обратно с провожавшим нас наблюдателем. За два часа дружной работы мы устроили отличную защиту от снега из лапника пихт, обеспечившую нам спокойную ночь.

Утром восьмого двинулись дальше. Во всем походе этот день обещал быть одним из самых трудных, так как предстояло с полным грузом подняться вверх по вертикали почти на целый километр. Снег едва прикрывал многочисленный валежник, поэтому приходилось тащить на себе лыжи, что еще больше утяжеляло груз. Мы поднимались западным склоном Бамбака, сперва делая зигзаги по склону, потом выбрались на отрог и дальше придерживались его гребня. Идти было очень тяжело: почти каждые 15 минут приходилось останавливаться, чтобы немного отдышаться. При такой нагрузке красота окружающей природы ступёвывается, восприятие понижается и много интересного невольно уходит из поля внимания. Лес был изумительно хорош. Высокие стройные пихты несли на своих ветвях целые сугробы пушистого снега. На отдельных вершинах образовались комовые шапки, и сама вершина никла в одну сторону. Порыв налетевшего ветра — и оживший снег, рассыпаясь пылью, падает с лапника, обдавая несчастливца, подвернувшегося под снежный душ. Приходится останавливаться и стряхивать снег, забившийся между рюкзаком и спиной.

Подъем довольно крутой, в среднем не менее 15–20°, местами же значительно круче. Много времени уходит на лавирование между буреломом, обходы огромных стволов мертвых пихт, продираание сквозь заросли понтийского рододендрона и кусты падуба. Кожистые листья вечнозеленого падуба при прикосновении издают своеобразный металлический звук. Как и в первый день в лесу очень тихо, временами зимний покой нарушается гулким «пуф» — это с лапника опять сорвался снеговой ком. Лес молчит, изредка перекликнется снегири, пискнет или затрещит скалистый поползень (**черноголовый поползень *Sitta kruperi*, прим. ред.**) Одиноким криком еще больше подчеркивает общую тишину. В лесу горизонта не видно, а там, где тропа вырывается на самый гребень и леса немного расступаются, даль закрыта туманом. Влево от нас — в снежном мареве, глубоко внизу осталась долина Шиши, вправо уходит далеко к югу долина Киши. Нам также идти на юг, но только по гребню Бамбака.

В лесу много следов зверей. Дважды отмечаем следы кабанов, много следов оленей, преимущественно самцов, не редки следы куниц.

Примерно с 1200 м снега делается больше: правда в лесу покров не превышает 15–20 см, но на полянах, где сохранился также и старый снег, его глубина достигает 60 см. Пока все же предпочитаем идти без лыж, для свободной ходьбы на лыжах в лесу снега еще недостаточно. После четырех часов ходьбы делаем сорокаминутный привал и вскоре затем становимся на лыжи. Как ни крут подъем, как ни скользят наши лыжи, а все же на лыжах идти гораздо легче. Теперь работают другие мускулы и часть тела отдыхает. Поднимаемся зигзагами: там где угол подъема слишком большой, приходится идти или «елочкой», широко расставив носы лыж, или «ступеньками», встав боком к склону.

Уже во второй половине дня мы вступаем в пояс леса, где пихты отступают на второй план: в большом количестве появляется горный клен или явор, береза, а еще выше — горная сосна. Субальпийский пояс гор. Снега здесь значительно больше. На поляне промеры дают 90—110 сантиметров. Снег рыхлый, не слежавшийся. Без лыж здесь далеко не уйдешь.

Оглядываясь назад — далеко к лесу уходит наша лыжня. В пологих местах склона она уверенно идет ровной лентой, но там, где склон становится круче, лыжня начинает змеиться, делать резкие изломы, зигзагами взбираясь на снежные уступы. Но вот склон стал совсем крутым, и здесь лыжня прерывается длинным рядом параллельных ступенек, выбитых лыжами в снегу. Здесь был тяжелый, очень медленный, «боковой подъем», единственно возможный на таких склонах.

Довольно неожиданно на высоте около 1700 м встречаем большое количество оленьих следов. Во второй половине зимы олени в массе держатся значительно ниже. Внимательно осматриваем следы и убеждаемся, что они принадлежат самцам. Животные избороздили верхнюю часть поляны глубокими тропами — настоящие снежные траншеи. Местами тропа пробита почти до земли. Видимо, животные с большим трудом двигались в таком рыхлом снегу. Особенно много следов вблизи пихт, разбросанных там и здесь, вперемежку с явором, на верхней части поляны. Здесь снега значительно меньше. Под некоторыми деревьями имеются лежки оленей, устроенные с таким расчетом, чтобы обеспечить животным большой кругозор. Тут же на снегу валяются обрывки пихтовой коры, мох и лишайники, погрызенные оленями. Олени были здесь только что и ушли, потревоженные нашим приближением.

Выше в березняке отмечаю старые лунки горного тетерева. Подъем делается более пологим. Лес чередуется с большими полянами. Но даль все так же скрыта туманом, а ближние склоны гор одеты лесом. Лишь выше, полузадернутые снежной мглой, белеют альпийские луга. Уже вечереет, нужно спешить с ночлегом. Зимние сумерки очень коротки. Решаем остановиться под большой сосной. Здесь мало снега и место защищено от ветров березовой порослью.

Устройство ночлега на верхней границе леса довольно хлопотливое дело. Но работа спорится, скорее кончить все приготовления и лечь отдыхать. За день все сильно устали. Спина и плечи болят от тяжелых рюкзаков. Прямо на снег крест на крест настилаются молодые березы. На низ более толстые, выше — прутняк. Получается недурной настил, предохраняющий от соприкосновения спальных мешков со снегом. Весело горит огонь большого костра. Двое дежурных хлопочут с приготовлением ужина.

Наконец волчий аппетит утолен. Полчаса просушки обуви и перчаток, вымокших за день, и большинство залезает в спальные мешки. Костер, провалившийся в яму от растаявшего снега, начинает дымить. Одна за другой красные головешки покрываются пеплом и постепенно гаснут. Огонь больше никому не нужен.

Туман, весь день закрывавший даль, разошелся. Ясная лунная ночь. На снегу темные тени от сосен — причудливое сплетение синих тонов... Там, где лунный свет падает на снег, он вспыхивает ярким голубым огнем. Вокруг неподвижность. Так всегда бывает в сильный мороз (по временам слышится треск деревьев). Далеко на юго-западе грозными зубьями вершинится Тыбга и Джемарук. Ближе пологие склоны Бамбака. Кажется, конца нет этим снежным полям. Лес отступил вниз, делая последние усилия, он еще пытается бороться с

глубоким снегом, и отдельные группы деревьев вырываются выше на скалистых участках склона...

На лагере стало совсем тихо, усталость и сон победили всех.

### ТРИ ДНЯ В ТУМАНЕ

Уже под утро погода вновь изменилась. С запада пошли облака. Пока мы завтракали и собирались, отдельные вершины опять задернулись снеговой пеленой. Нужно было спешить. Весь день нам предстояло идти по альпийским лугам, где не было укрытия от ветра и снега.

Команда — «на лыжи». Вперед. Несколько крутых лыжных зигзагов, и лес остается внизу. С гребня открывается новый вид на север и восток: две огромные плиты, обрывающиеся отвесно к югу — горы Большой Тхач и Малый Тхач, хребет Бабук и эффектные скалы Чертовых Ворот (Агешбок). Это два каменных уступа с красивыми изломами и несколько сот-метровыми обрывами. Между ними широкий проход. Среди черкесов о Чертовых Воротях существовали интересные легенды, напоминающие миф о Прометее.

Несмотря на груз, быстро набираем высоту. Склон сравнительно полог и идти можно в лоб или крутыми зигзагами. Только посильнее нужно прихлопывать лыжами и больше опираться на палки, чтобы сократить отдачу. Наша группа растянулась длинной вереницей. По мере поднятия вверх, все больше отклоняемся вправо. Теперь мы на высоте около 2500 м и идем прямо на юг. Впереди главная вершина Б. Бамбака — мощный снежный конус с широким основанием и довольно крутыми склонами. Нам предстоит обогнуть его с востока.



**Вдоль хребта к истокам Бамбачки**

Временный спуск. Лыжи отказываются скользить, так как сильный подлип. Из-за этого на спуске многие падают или еле движутся, с трудом поднимая заснеженные лыжи. Приходится делать привал и после просушки лыж на солнце натирать их скользящую поверхность особой мазью, предотвращающей прилипание снега. После этого дело пошло лучше, быстро спускаемся к верховьям Бамбачки, впадающей в Уруштен. Сейчас мы как раз на переседлине. Справа от нас остается склон к Кише. Далее пойдем другим склоном Бамбака, обращенным уже к Уруштену.

На снегу аккуратной строчкой протянулся лисий след. Здесь же следы русака. В течение всей зимы зайцы держатся в альпийской зоне, питаюсь ивовой порослью. В пихтовых лесах зимой зайца очень мало.

Лыжники движутся причудливой лентой, то спускаясь, то поднимаясь, огибая истоки Бамбачки. Сама речушка потерялась в снежных сугробах. Снега здесь столько, что он пролежит до половины июля. Во многих местах лыжная полка, воткнутая в снег вершиной, не достает земли. Вместе с тем по левобережью Бамбачки, на склонах, обращенных к югу, из-под снега виднеется прошлогодняя сухая трава, а в отдельных местах склон совсем свободен от снега. Это типично для гор Западного Кавказа. В распределении снежного покрова здесь наблюдается целый ряд интересных закономерностей...

На склонах, мало освещаемых солнцем в зимний период (склоны северных и отчасти восточных румбов), снежный покров достигает значительно большей мощности, нежели на склонах южных и западных румбов, получающих больше солнечной энергии. Нередко последние склоны в малоснежные периоды зимы бывают почти совсем лишены снега или же снежный покров настолько утоньшается, что из-под снега выступает прошлогодняя сухая трава. Особенно ясно эта закономерность выступает на открытых склонах альпийской зоны, в лесу, в особенности пихтовом, имеющем сильно сомкнутый полог, резкость в снежности различных склонов выражена менее четко. Таяние снега в лесу более замедленно.



На фоне Бамбаков и Джуги

В горах заповедника картина распределения снежного покрова сильно усложняется близостью моря, обуславливающего обильные осадки в зимний период. При этом южный склон Главного хребта как ближе расположенный к морю более богат зимними осадками, чем северный. Главный хребет в данном случае играет роль огромного барьера, задерживающего на южном склоне большую часть осадков, в высокий период в зимний период выпадающих в виде снега. Большая облачность сильно понижает таяние снега, и вследствие этого южный склон Главного хребта в общем имеет более мощный снеговой покров, чем северный склон. Солнце здесь не справляется с массой выпадающего снега. Но дальше к северу, по мере удаления от Главного хребта и с переходом к сложной системе его боковых отрогов, а также в районе так называемого Скалистого хребта – вышеотмеченная закономерность в распределении снежного покрова (малоснежность склонов южных румбов) опять делается четкой.

На распределение снежного покрова большое влияние имеет крутизна склонов, степень их лесистости и даже окраска скал. С очень крутых скал снег обычно сдувается ветром; очевидно, что на крутых склонах южной экспозиции – таяние снега идет более энергично, чем на более пологих. Наоборот, крутые склоны северной экспозиции нередко в течение большей части зимы совершенно не освещается солнцем, и снега здесь накапливается еще больше, чем на пологих склонах, что приводит в конце концов к образованию разрушительных лавин.

Зимнее распределение животных на склонах гор в очень большой мере зависит от распределения снежного покрова. Большая часть копытных (олень, косуля, кабан, тур) держится зимою на склонах южных румбов («выгревы»). На северных склонах («захолодь») из копытных в небольшом количестве живет серна, придерживающаяся скалистых участков, откуда снег сдувается ветром. Но и та зимою более часто встречается на выгревах. В альпийской зоне, как правило, зимуют одни туры, но и те часто спускаются на это время года в высокоствольные пихтовые леса. Олени, кабаны и серны держатся значительно ниже по склонам гор, чем летом, преимущественно в пихтовых лесах. Косули спускаются еще ниже, уходя в пояс лиственных лесов. В соответствии с распределением копытных находится и зимнее местообитание таких хищников, как волк, рысь и барс. Первый придерживается пихтового леса, а последние охотно держатся вблизи туровых зимовок...

Переходим снова к описанию похода. С восточных склонов Бамбака открылась широкая панорама на новые горы. Прямо впереди – змеится лесистый хребет Мастакан, еще глубже цепь хребтов, образованная вершинами Грю, Яшигварта и Агоузом. Совсем на заднем плане высится огромный массив Магишо, полузадернутый пеленой тумана. Погода все более ухудшается. Постепенно и ближние хребты начинают терять свою контурность. С запада сплошной стеною надвигается туманная завеса. Облака тяжело переваливают седловину Бамбака, спускаются ниже по склону, настигая нашу группу. Видимость сильно упала. Мы движемся словно в каком-то туманном котле. Кругозор то делается бесконечно ограниченным, то порывами ветра облака немного расходятся, и далекие склоны начинают смутно маячить.

Чем дальше, тем круче и негостеприимнее делаются склоны Бамбака. Особенно много трудностей доставляет переход некоторых балок. Снег здесь лежит двухметровой толщей, но на крутых склонах, обращенных на юго-восток, он очень плотен, и лыжи на нем плохо держатся, беспомощно скользя вниз.

Приходится при каждом шаге лыжу «вколачивать» в снег и сильнее опираться на палки. Нужно соблюдать какую-то золотую середину, иначе резким движением срежешь пласт — и тогда падение уже неминуемо. Оборваться на крутом склоне — мало приятного. Можно пролететь десятки метров, прежде чем остановишься.

Наша группа движется то выше леса, то пробирается среди ветвей берез, потонувших в снежных сугробах. В одном месте поднимаем стаю тетеревов (петуха и пять самок), сидевшую на ветвях березы и в снегу. Птицы подпустили шагов на тридцать и только после этого снялись с места с характерным резким свистом, производимым крыльями при быстром полете. На снегу хорошо заметны целые тропы, протоптанные тетеревами. Здесь же мы встречаем следы куницы, очевидно охотившейся за птицами. Отмечаю двух дроздов-деряб.

Подходим к очень крутому склону. Я скидываю лыжи и предпочитаю обойти это место сверху пешим порядком. Часть лыжников следует за мной. Минут за двадцать мы минуем неприятное препятствие. Вторая партия проходит склоном, но менее благополучно. Срывается инструктор и проезжает вниз, лежа на спине, более полусотни метров. Склон предательски крут, а снег лежит затвердевшей коркой, не позволяющий лыжам держаться. Группа решается обойти опасное место снизу и сильно запаздывает. Между тем вечереет. Первая группа начинает организовывать ночлег, вскоре к ней присоединяются и остальные. Останавливаемся на ночлег в очень скалистом районе, получившем название «Туровый замок». На выгревах здесь почти нет снега. Где-то внизу в лесу должна быть туровая зимовка. Мы же расположились среди редких берез, за недостатком ровного места — разбившись на две партии. Все сильно устали и изголодались. Местечко очень не уютное, но огонь костра заставляет быстро это забыть. Ужин кажется особенно вкусным. Я вместе с двумя товарищами устраиваюсь под скалой, предварительно настелив на снег слой веток. С собой в спальный мешок приходится брать обувь и перчатки. Иначе все это за ночь промерзнет и потом утром придется долго отогревать все у костра. Наши мешки, хотя и не очень теплые, но мороз до 15 градусов выдерживают хорошо. Неприятны первые минуты, когда только что залезешь в холодный мешок, еще не нагретый телом и дыханием. Мешок застегивается с головой, и, таким образом, предотвращается большая потеря тепла.

Лагерь затихает. Последний раз высовываю голову из мешка. Туман разошелся, видны звезды. Может быть завтра будет хорошая погода.

Утром мои надежды не оправдываются. Большую часть дня мы опять шли в тумане. Переход оказался тяжелым, и, несмотря на все старания, группа не смогла добраться до намеченного места. Этот день был ответственным испытанием для лыж. Вскрылся серьезный недостаток при форсировании крутых скалистых склонов. Сравнительно большая длина лыж сильно затрудняла маневрирование. Особенно тяжело приходилось при спусках по крутым балкам, имеющим форму желоба. Иногда приходилось подолгу идти, опираясь на снег только пяткой и носком лыжи. Вся остальная часть была навесу. Большая крутизна и узость таких желобов не позволяла прямой спуск вниз, заставляя прибегать к столь неудобной здесь «лесенке». Тяжело было двигаться и в сильно захламленном лесу, поминутно перебираясь через упавшие стволы лесных гигантов. Бывали случаи, когда лыжники, как обезьяны, шли прямо по стволам лежащих деревьев. И все же мы не вправе были роптать на лыжи, так как в таком снегу пешее движение было совершенно исключено.

От места ночлега сперва шли склоном (теперь уже горы Джуги, непосредственно соединяющейся с Бамбаком), придерживаясь зоны криволесья; затем спустились к речке Челепсиной. После этого вновь начался подъем на хребет Челепсы.

С полдня пошел снег. В воздухе застыла туманная дымка. Мы проходили то балками, заметенными снегом, то пробирались сквозь густой пихтовый лапник молодняка, сомкнувшегося плотной стеной. Иногда как призраки выступали выше нас скалы Джуги — далекие и бесконтурные, но вместе грозные своими обрывами и снежными «kozyрьками», при первом сотрясении могущими обратиться в лавины. В пихтовом лесу встретили следы куницы и полузаметные старые следы оленей. Животные подходили к незамерзающему ручейку и пили воду. Старые охотники раньше мне сообщали, что на Челепсах много зимует самцов оленей. Встреченные же следы, видимо, принадлежали самкам.

На ночлег в этот день встали часа за два до сумерек. В тумане легко можно было потерять ориентацию, а нам предстояло вновь выбираться в альпийскую зону, чтобы перевалить хребет.

Дружно работая, соорудили настоящие шатры из пихтовых веток. Нужен был спокойный ночлег, чтобы набраться сил для дальнейшего похода. Отличный ужин и на десерт какао заставили всех оживиться и позабыть трудности дня.

Следующее утро встретило нас малоприветливо. Вместе с нашим выходом пошел снег. Туман все также затруднял ориентацию. Пришлось идти по компасу, пользуясь картой-одноверсткой. Через каких-нибудь пятнадцать минут мы выбрались из леса и теперь идем по лугам, покрытым снежным ковром. Беру серию промеров толщины снега. Выходит так, что в альпийской зоне снега вдвое меньше, чем в субальпийской, среди зарослей берез. Очевидно, обусловлено это ветрами, сдувающими снег в нижние части склона и здесь задерживаемого стволами берез, а также большей площадью альпийской зоны против субальпики.

На самой верхней границе леса неожиданно раздаются зазорные голоса гаичек<sup>1</sup>. Странно. Как высоко забирается зимой эта маленькая птичка.

Ну вот туман расходитя, вернее мы вырываемся из его царства. Впереди в лицо бьет ветер, оттесняющий назад туман. Мы на перевальной точке Челепсов, на высоте около 2200 метров. Впереди долина Уруштена — путь к подступам Псеашхо. Глубоко внизу змеится река, темная лента воды окаймлена белыми берегами. Долина достаточно широка. Мы видим ее на протяжении километров 8. Дальше за поворотом она уже сильно сужается. С запада с долиной граничат склоны Уруштена, а востока — Алоуса. Внимательно осматриваем склоны гор. На Алоусе видны тропы, вероятнее всего, принадлежащие турам. Вместе с тем здесь так бело — не видно ни одного выгрева. Животные, видимо, были заходом с другого теплого склона горы, отсюда его не видно. Также белы и отроги горы Уруштен и Аспидной, примыкающей к Джуге. Суровая грозная панорама.

Теперь вниз к лагерю Уруштен. Нам удастся найти исключительно удобное место для спуска — это длинный язык полян, далеко вдающихся в зону леса. Чем ниже, тем снег делается рыхлее и легче становится управлять лыжами на крутом спуске.

Вниз. Грозный пик Джуги — черная отвесная стена, окаймленная белыми полями, остается выше. Быстрее и быстрее. Лыжи стремительно несут к лесу.

<sup>1</sup> Скорее всего, это была московка *Parus ater*; гаички довольно редки и вряд ли могут быть встречены зимой в зоне пихтовых лесов (прим. Перевозова А.Г.).

Лыжники растянулись длинной лентой. Неловкий поворот — падение. Снежная пыль клубами взвивается вверх, вырываясь из-под лыж. Все оживились, особенно москвичи, могущие здесь проявить свою технику. Такой спуск действительно упоителен. Если бы только не тяжелый рюкзак — главная причина всех падений. Особенно трудно сохранить равновесие с перегруженным рюкзаком на крутых поворотах. Чтобы удержаться, приходится буквально «ложиться в дрейф», т.е. сильно наклоняться в сторону поворота.

Склон змеится, движется. Ближе и ближе лес. На ровных площадках — остановки, громкий разговор, обмен переживаниями. Горы еще никогда не видали зимой такой шумной компании.

Снег ослепительно блестит, от этого крутизна склона плохо уловима для глаза даже в темные консервные очки. Вот лыжник неожиданно для себя вырывается на крутой обрыв. Об этом он догадывается только тогда, когда лыжи уже со страшной скоростью пошли вниз. Затормозить уже нельзя, более опытные делают резкий поворот «христиания». Новички им не владеют, в том числе и все сотрудники заповедника. Остается одно — или падать, или держаться на ногах. Несколько секунд — и лыжи также неожиданно выносят на сравнительно пологий склон, с разгона зарываясь в снег. Две метровые петли в воздухе — и лыжник исчезает в тучах взметенного снега. После такого падения не сразу встанешь. Забьет дух, весь заснежишься и в довершение всего рюкзак предательски опрокинется на голову...

В лесу лавировать еще труднее. Тем не менее мы быстро движемся, с каждой секундой теряя высоту. На весь спуск до лагеря Уруштен (1600 м) теряем не больше двух часов времени.

В лесу следы пребывания животных. Встречаем следы двух кабаньих гуртов и одиноца-кабана. Под деревьями старые же лежки кабана. Местами кабаны взрывали снег, докапываясь до земли в поисках растительных корней. Совершенная неожиданность — встретить глубоко в горах зимующих кабанов. Пересекаем два медвежьих следа. Возможно, эти животные совсем не ложились в зимнюю спячку. Отмечаем следы зайца. Ближе к лагерю снега в лесу делается совсем много, так как мы постепенно переходим на склоны южных румбов. Там и здесь зеленеет ежевика, перезимовывающая, не сбрасывая листья. Ее листья оттошно поедаются многими копытными.

Мир птиц также свидетельствует о том, что зимние условия здесь значительно мягче, чем на других склонах гор. Громко кричат скалистые поползны, нередки голоса гаичек. Недалеко от меня пролетел большой пестрый дятел.

В пойме снега делается опять много. Уруштен переходим по кладке — стволу дерева, переброшенному с одного берега на другой. Река имеет свободное течение только на самой середине, и здесь она не шире трех метров. С обоих берегов речку теснят большие снежные сугробы, местами почти сходящиеся. Летом река значительно шире. Через несколько минут выходим на поляну к деревянному домику. Он построен специально для туристов. Теперь мы вышли на главный маршрут и находимся непосредственно на пути в Красную Поляну.

## ДОЛИНОЙ ЛАВИН

Лагерь Уруштен расположен неподалеку от реки на опушке леса. Прямо перед лагерем простирается большая поляна. От лагеря вид на хребты Алоус, Уруштен и Челепсы. Вокруг лесистые склоны гор. Место исключительно живописное.

Против первоначального плана на Уруштен мы опоздали на один день. Тем не менее решено было сделать дневку, чтобы передохнуть перед дальнейшим походом и, кроме того, потренироваться на лыжах. Всем казалось, что самое трудное осталось уже сзади...

Всю ночь дул сильный ветер, температура упала примерно до  $-15^{\circ}\text{C}$ . Несмотря на то, что мы спали в помещении, многие основательно промерзли в своих мешках. К утру ветер утих. Сильные ветры в долине Уруштена – обычное явление, обусловленное стеканием охлажденных масс воздуха со склонов Псеашхо вниз по ущелью реки.

Утро было ясное и солнечное.

Всю первую половину дня посвятили лыжной тренировке. С сотрудниками заповедника занимался инструктор Ю. Мальцев и опытный лыжник, молодой инженер метрополитена – С. Любский. После катания на лыжах с тяжелыми рюкзаками необычно было не чувствовать за спиной груза. Приходилось заново вырабатывать стойку на лыжах, так как все мы привыкли держаться на спуске с широко расставленными палками и с большим наклоном туловища вперед.

Во второй половине дня вместе с С. Любским я взял серию замеров глубины снежного покрова в различных насаждениях. Наибольшей толщины снег достигал на большой поляне (в среднем около метра) и в пойме реки, заросшей ольхой и березками (85–90 см). Значительно меньше снега было в березово-осиновых насаждениях, расположенных на приречных террасах (70 см) и в пихтовом редколесье (55 см). Сосна, как правило, росла по небольшим бугоркам на хорошо освещенных местах, и здесь толщина снега не превышала 35 см, местами сходя совсем на нет. В пойме бросалось в глаза скопление снега вблизи ольх, растущих розеткой от общего основания. Между отдельными деревьями, растущими без подобного кустения, снег выдувался ветрами. Снег всюду был достаточно плотным, некоторой рыхлостью отличался только верхний пласт еще молодого снега. Глубже прощупывалось несколько слоев снега.

Днем в лесу я видел гаичек, а на берегу реки слышал оляпок. Интересно, что за весь поход не пришлось слышать ни одного зяблика.

Ночью река выше лагеря, видимо, покрывалась льдом, так как утром по ней шло сало. Возможно, что где-нибудь выше в реку упала лавина.

На следующий день решено было выступить в дальнейший поход как можно раньше, так как нам предстоял, если и не тяжелый, то опасный путь, подверженный частым лавинам. Необходимо было пройти его в первую половину дня по холодку, когда снег еще скован ночным морозом. Все приготовления были закончены еще с вечера. Тщательно осмотрели крепления лыж. Подъем был назначен на самый ранний час.

Ночь опять была очень холодной, мороз удержался и днем. На рассвете группа выступила в поход. До лагеря Холодного нам предстояло пройти 16 км. Все предыдущие дни мы проходили значительно меньшие расстояния. Но там рельеф местности приводил к тому, что приходилось делать бесконечное количество обходов и лишних подъемов и спусков. Здесь же нам предстояла хорошая дорога с довольно плавным подъемом (в среднем 30 метров подъема на 1 километр пути).

В километре от лагеря мы перешли по деревянному мосту на левую сторону Уруштена и придерживались этой стороны примерно до полпути. Шли то в непосредственной близости от реки, то удалялись от нее на запад, следуя большими полянами или сосновыми или березовыми перелесками. Первые

восемь километров долина реки достаточно просторна, горы здесь раздаются, давая место большим ровным пространствам. Поэтому движение на лыжах не встречало никаких трудностей. Окрестные горы почти не имеют бесснежных выгревов. Очень небольшие участки подобных я видел на Алоусе и Уруштене. Впадающая справа в Уруштен Имеретинская балка окружена совершенно белыми от снега горами. Поэтому маловероятной кажется возможность здесь зимовки туров, на что указывали старые опытные охотники.

На восьмом километре опять перешли Уруштен по мосту. Снег на мосту лежал до самых перил. Странно было идти на лыжах по снежной арке, перекинутой с берега на берег. Внизу бежала незамерзшая река. От мороза характер местности резко изменился. Долина все более начала сужаться, местами превращаясь в настоящее ущелье. Приходилось идти уже не по ровным спокойным лужайкам, а пробираться вдоль склона. Горы сдвинулись, сжали речку грозными скалистыми уступами. Пологие склоны сменились отвесами, огромными безлесными осыпями — следами старых лавин, избородивших местность. Теперь мы вошли в настоящее царство лавин. Резко изменился характер леса. Лиственные и хвойные насаждения были неестественно перепутаны, местами совершенно уничтоженные старыми лавинами. Всюду на полянах и склонах виднелись согнутые в дугу березы. Местами лес был срезан, как ножом, из-под снега торчали старые сухие пни. Здесь некогда сошли твердые пластовые лавины, своим движением скосившие лес. По гребням окрестных хребтов нависали грозные снежные карнизы, иногда тянувшиеся на протяжении нескольких километров.

Еще не доходя до впадения Имеретинки в Уруштен, на склонах гор начали встречаться небольшие лавины давностью 7—10 дней. Большинство из них были небольшими и не могли причинить серьезного разрушения. Видно было, что эти лавины двигались по склону медленно, придерживаясь всех поворотов ложа балок, по которым они катились. Вернее, вся эта снеговая масса — медленно «стекла» с горы, засыпав глыбами снега только нижнюю часть склона.

Но чем дальше мы продвигались, тем более грозный вид принимали лавины, упавшие незадолго до нас. Некоторые из них поломали или сильно погнули лес и остановились, вынеся огромные массы снега, заполонившие лес и поставившие перед нами многометровые препятствия. Вблизи язык остановившейся лавины напоминал гигантские мертвые щупальцы чудовищного зверя, щупальцы, расплзшиеся по лесу во всех направлениях в тщетных поисках жертвы. Иногда конец лавины имел вид широкого веера. Обычно край такой лавины обрывался почти сразу, образуя высокую стену, достигавшую местами 20 и более метров. Все эти лавины принадлежали к так называемому пылевому типу. Они были вызваны большим скоплением снега выше по склону и последующим сбросом его вниз, с увлечением нижележащего рыхлого снега. Иногда такие лавины достигают страшной разрушительной силы, одной только силой воздушного давления на противоположном склоне гор уничтожаются леса на протяжении многих километров. Лес при этом падает стволами вверх по склону. В заповеднике особенно много упало лавин зимой 1931—32 года, во многих местах совершенно изменивших первоначальный облик гор.

Одну за другой мы пересекали лавины или обходили их стороной. Большинство из них упало со склонов Алоуса и меньшее число с Уруштена. Всего до Холодного я насчитал 14 лавин, некоторые из них смело могли бы погрести весь наш отряд, если бы мы попали сюда в неурочное время.

Особенно грозными были две лавины в том месте, где ущелье Уруштена делается особенно узким, превращаясь в настоящий каньон. Они упали с противоположных склонов гор, загромоздив реку огромными снежными мостами. Здесь мы шли прямо по этим мостам. Вокруг стеной поднимались снеговые валы, совершенно закрывшие лес. Вид был дикий, необычный, особенно для тех, кто бывал здесь летом. Мертвая снеговая пустыня. Нет никаких следов зверей, только в самом начале пути я слышал гаичек, да у лагеря Холодного неожиданно закричала сойка. Всюду снег и снег, в изломах и сбросах отливающих синевой. Апофеоз белой смерти и разрушения. Река невидимая и неслышимая бьется в тисках где-то глубоко на дне — до нее толща снега в десятки метров. Картина еще более стала сумрачной, когда пошел снег, вскоре перешедшей в настоящую вьюгу. В лицо со страшной силой бил ветер. Идти становилось все тяжелее, приходилось поминутно останавливаться, чтобы немного отдышаться. Мороз и ветер обжигали лицо. Особенно тяжело достался последний подъем к лагерю.

Когда мы вышли на площадку, где стоит деревянный домик лагеря Холодного (высота 1850 м), вокруг ничего нельзя было видеть. Снежные хлопья больно стегали по лицу, даже ближние предметы расплывались в снежном вихрении. Лагерь сотрясался от порывов ветра, в крыше гудело и свистело. С трудом мы открыли дверь и вошли в помещение. Оно совершенно не было приспособлено для зимней остановки. В выбитые окна намело сугробы снега. Точно так же и потолок угрожающе прогнулся от массы снега, навалившегося через чердачные окна. Пришлось всем браться за работу, чтобы хоть как-нибудь подготовить лагерь для жилья. Первым делом вырубили часть пола, приготовив место для костра, так как наружи нечего было и думать о разведении огня. Досками закрыли одно окно, самодельными лопатами с потолка сбросили снег. Все это делалось на ветре, руки от мороза плохо работали. Дрова пришлось таскать издалека, утопая в глубоком снегу. На лыжах из-за ветра двигаться было невозможно. От Уруштена до Холодного мы шли часа четыре с половиной и примерно столько же работали, прежде чем привели лагерь в вид, относительно пригодный для ночевки.

До поздней ночи в погоде не было перемен. Только на минуты снежная завеса прорывалась и вдали проступали грозные контуры Псеашхо. Ледник, в погоду хорошо видный от лагеря, был покрыт белым ковром, и только на месте ледопада виднелись голубые трещины. Все остальное было скрыто снегом.

Несмотря на мороз, спать было теплее, чем на Уруштене, так как вокруг лагеря намело большие сугробы, хорошо защищавшие от ветра.

Утром проснулись полузаметенные снегом, задуваншимся в помещение ветром через чердак и выбитое окно. Вокруг все также выла вьюга. При таких условиях двигаться дальше было безумием. Решено было оставаться в лагере до улучшения погоды. Отправляясь в поход, мы рассчитали продукты на десять дней, сегодня был восьмой день. Из предосторожности, что вьюга может задержать нас еще на несколько дней, решено было перейти на голодную норму. Утром завтрак был заменен чаем с небольшой порцией сгущенного молока. Чтобы лучше сохранить силы, многие предпочли в этот день неподвижно лежать в мешках.

Наружу творилось что-то невероятное. Дверь так плотно прижималась ветром, что только с очень большим усилием ее удавалось открыть. Вокруг лагеря нанесло целые горы снега, хаотически нагромождавшиеся одна на другую. Снег

шел густыми хлопьями, и казалось, ему никогда не будет конца. Дальше, чем на двадцать-тридцать метров, ничего не было видно.

Лагерь Холодный стоит на небольшой полянке и поставлен очень неудачно в отношении ветров. Лес здесь расходитя, и место совершенно оголено. От ледника на Псеашхо, расположенного примерно в 8 км на юго-восток от лагеря, постоянно дуют ветры, не встречающие на своем пути никаких препятствий. Название «Холодный» вполне оправдывается местом. Даже летом здесь очень неприветливо, и только в хорошую погоду эффектный вид на ледник несколько искупает неудачное местоположение лагеря.

Большую часть дня я приводил в порядок записи и писал письма. Часть товарищей также писала, часть спала. Самочувствие у многих было неважным, так как некоторые слегка простудились. В темном дымном помещении наш бивуак представлял собой довольно унылое зрелище. Тщетно наиболее нервные вставали и подходили к окну посмотреть на перевал. Все оставалось без изменений. Даль была закрыта. Мы были в неприятной ловушке неизвестно насколько дней. Самым мудрым было спокойно выжидать, не расходуя сил.

На ужин сварили суп из мясных консервов. После дня голодовки все с удовольствием накинулись на еду. Также вкусным был и горячий чай, согретый из снега и сильно отдававший дымом.

### ПЕРЕВАЛ ПСЕАШХО

Только под утро снег прекратился. Ветер утих на время. Хребет Псеашхо – грозный, сверкающий белизной молодого снега, предстал во всем величии. Западнее поднималась пирамидальная вершина горы Перевальная. Путь был открыт. Нужно было спешить к перевалу, погода опять могла измениться. Каждая минута была дорога.

Быстро собрались, встали на лыжи. Через несколько минут первый лыжник плавно пошел на спуск к реке Холодной. Пушистый снег прочертился красивыми изгибами «змейки». Затем устремился вниз – второй, третий...

Река Холодная, правый приток Уруштена, впадает в последнюю неподалеку от лагеря. Бурный поток, рождающийся из ледниковых вод Псеашхо, почти весь был заметен снегом. Один за другим лыжники проскользнули по снежному мосту и начали подъем к перевалу. От лагеря до перевала около шести километров. Подъем отличается исключительной плавностью. Идти приходится полянами, чередующимися с березовыми перелесками. Снега много, лес совсем потонул в нем, местами из-под сугробов виднеются одни только ветви согнутых берез. Толща снега во многих местах больше трех метров. Верховья Уруштена, а также и озера, расположенные неподалеку от перевала – замечены без следа. С обеих сторон – высокая стена гор, у гребня – снежные козырьки, иногда внушительных размеров, с навесом в 10–20 метров. Приходится только удивляться, как держится эта масса... До первой оттепели, а там пойдут лавины. Но сегодня мы в безопасности – сильный мороз (градусов 15) крепко сковал снег.

Два часа ходьбы, и мы выходим на перевал. Высота 2050 метров. Вот – известный камень на перевале, его высота около 5 метров, сейчас он еле виден из-под снега. Перевал – небольшая седловина с пологими склонами на север и на юг. Отсюда вид на долину реки Уруштен и верховья Пслуха, несущего свои воды в Мзымту. По условиям рельефа прежде, чем начать спуск к Красной Поляне – приходится около двух километров идти склоном Перевальной горы

и даже брать еще большую высоту. Оттуда уже открывается более грандиозная панорама, чем с самого перевала. Мы спешим дальше и с неохотой задерживаемся, чтобы дать нашему фотографу снять группу. Громоздкий фотоаппарат, требующий установку на штативе, отнимает много времени, и приходится только поражаться исключительной выдержке Григория Ивановича — в течение всего похода тщательно фиксировавшего работу лыжников в горах.

Погода, терпимая утром, чем дальше, тем больше продолжала ухудшаться. С севера подул резкий ветер. Долина Уруштена исчезла в тумане. Теперь непогода преследовала нас с тыла.

Минут через тридцать мы подошли к месту, откуда летом начинается спуск к верховьям реки Бзерп. Тропа разделана зигзагами на очень крутом склоне... Наши лыжи остановились на краю обрыва — спуститься здесь зимой было невозможно. Склон был настолько крут, что нам даже не удалось заглянуть вниз. Выпуклые снежные наметы закрывали подножие.

Это не было неожиданностью, еще когда составлялся план похода, мы думали, что не сможем спуститься к Красной Поляне обычным путем, и тогда же наметили обход тропы с востока через хребет Псехоко.

Псехоко — узкий гребень, с востока прилегающий к верховьям Бзерпа. Хребет на высшей точке достигает около 2580 метров, южнее быстро понижаясь. В верхней части склонов он очень обрывист, и проходим только по самому гребню. Ниже хребет делается более спокойным, сильно расширяется, и здесь на него выходит главная маршрутная тропа, пересекающая верховья Бзерпа. В дальнейшем тропа до самого первого селения — «Сланцевого Рудника» — следует по хребту, придерживаясь его капризных изломов. От перевала до рудника около 17 км. Наш путь из-за обхода еще больше удлинился, но это было единственным, что можно было предпринять. Другой вариант спуска к Красной Поляне — через верховья Пслуха — в марте, пожалуй, не менее труден, если вообще и проходим.

Прежде чем начать подъем на Псехоко, огляделись вокруг. Широкая горная панорама, поражающая своим величием. На западе — зубчатая скалистая гряда Ассары, Чугуш, своей вершиной вырывающейся много выше всех соседних гор, красивый Ачишхо — излюбленное место экскурсий туристов из Красной Поляны; в глубине ближе к морю — Чура. К югу — многоглавая Аибга, у ее подножья в долине Мзымты расположились маленькие, еле заметные с перевала, домики Красной Поляны. К востоку — Псехоко и дальше водораздельная гряда Главного хребта — Псеашхо-Аишхо. Сплетение хребтов, змеящихся во всех направлениях, надвигающихся один на другой. Хребтов, то падающих вниз к долинам отвесными скалистыми склонами, чернеющими обнаженными от снега грозными уступами, то более пологих, несущих на своих склонах огромные снежные поля.

Группа двинулась на последний подъем. Идем зигзагами, с каждым поворотом выше и выше уходя по склону. Неожиданно пересекаем следы лисицы. Что могло завести ее сюда. Вокруг мертвая снежная пустыня. Псехоко смотрит на нас нависшими снежными козырьками. Склон, обращенный к нам, очень обрывист. Через каждые десять-пятнадцать минут делаем остановки. Тело наклоняется вперед и под все еще очень тяжелый рюкзак подставляются лыжные палки, чтобы дать отдых спине. Последнюю часть подъема идем особенно осторожно, так как снег зыбкий, плохо держится на склоне. Если сдвинуть такой пласт, то можно вызвать лавину.

Наконец мы на высшей точке хребта и теперь быстро скользим по гребню на юг. Необходимо соблюдать тщательную предосторожность, отклонившись вправо, можешь попасть на «воздушный снег» — козырек, нависающий над обрывом, влево — склон быстро делается крутым и также лавиноопасен. Для лыж остается сравнительно неширокая полоса, по которой можно идти, не боясь оборваться. Местами хребет расширяется, и здесь, пользуясь рыхлым снегом, хорошо позволяющим тормозить, быстро спускаемся.

Вначале все идет благополучно, но затем в течение каких-нибудь десяти минут наше положение меняется. Спуск ниже — невидим, мы подошли к новому обрыву. Туман, надвигающийся с севера, вслед за нами, перевалил Псеашхо, и теперь дальше чем на тридцать, сорок метров ничего не видно. После короткого совещания, снимаем лыжи и высылаем вперед на разведку альпинистов — Любского, Белоглазова и Букова. Альпийские веревки и ледоруб, весь поход остававшиеся без применения, пошли в дело. Несколько напряженных минут ожидания... Снизу доносятся голоса — можно идти, сохраняя дистанцию 10 метров. Наши лыжи служат нам вместо опорных палок. Воткнув глубоко их в снег, шаг за шагом спускаемся вниз. Гребень круто падает на юг, местами склоны почти отвесны. Влево и вправо от гребня убегают, теряясь в тумане, такие же почти отвесные склоны. Снег рыхлый, несслежавшийся, дышит под ногами и ползет по склону. Во многих местах проваливаешься до самой земли: ноги, обутое в горные ботинки, начинают скользить по мерзлой земле. Неприятное ощущение: вся эта масса снега кажется совершенно ненадежной, готовой изменить каждую секунду и рухнуть вниз. По обоим склонам, немного ниже нас — снег местами разошелся, прочеркнулся трещинами и сполз чуть ниже. Мы проходим сейчас места, где рождаются лавины. Они насторожились, ждут оттепель, и тогда... Тогда, сокрушая все на своем пути, увлекая за собой тысячи тонн снега, они пойдут вниз, ломая и разрушая, уничтожая лес на многие километры. Верховья Бзерпа издавна славятся лавинами. Сюда зимой не рискует заходить ни один охотник. Если смотреть вниз на склон в ясную погоду, то весь лес предстанет прорезанным страшными снежными просеками.

Ясно одно, что, если бы не мороз, этим путем не суждено было пройти.

Двадцать минут напряженного спуска, и мы в безопасности и снова становимся на лыжи. Все заснежились с головы до пят, промокли и обмерзли. Скорее вниз — к лесу, нужно двигаться, чтобы разогреться. Теперь Псеахо хочет нас вознаградить за риск хорошим снежным спуском. Лыжи прекрасно идут, даже на очень крутых лесистых склонах можно лавировать между деревьями, спускаясь наискось по склону, не прибегая к скучному спуску «лесенкой».

Быстро минуем верхнюю зону криволеся, еле видные из-под снега искривленные стволы берез, буков и горных кленов и вступаем в пихтовый лес.

Поражает обилие снега. Делаем серию промеров, толщина покрова нигде не ниже двух метров. Сугробами заметен весь кустарник и валежник, закрыты упавшие стволы лесных великанов. Тяжелые снеговые шапки, по местному «навись» — одеты на верхушки пик, ветви гнутся, обремененные снегом. Многие деревья, не выдержав тяжести — поникли вершинами вниз, другие совсем сломались. В лесу хаос сплетенных, согнувшихся деревьев. Своеобразная картина снежного разрушения и вместе изумительная панорама. Отдельные пихты облечены снегом от основания до самой вершины. Они стоят, застыв напряженной неподвижностью — эти белые стражи зимы.

Слышу тихий, на очень высоких нотах, серебряный писк: поднимаю голову. На ветках пихты оживленно суетится стая королек. Красивые маленькие птички с красной шапкой на голове.

А лыжи уносят все ниже. Пологие плавные спуски только изредка сменяются головоломными обрывистыми склонами, где лыжи из верных союзников превращаются в обезумевших деревянных коней, не признающих воли лыжника... Наиболее «принципиальные» в таких местах скатываются в лоб, обычно зарываясь в тучах снега, взметенного падением, более осторожные спускаются длинными зигзагами или верхом на лыжных палках...

Все сильно проголодались, но предпочитают добраться до жилья. Останавливаться промокшим в лесу, без особых перспектив быстро развести огонь никто не хочет.

Ниже по склону снега делается меньше и, наконец, примерно, не доходя двух километров до рудника, снег как-то сразу исчезает. Мы находимся в лиственном лесу, кругом бук, каштан, лещина и другие деревья, типичные для нижнего пояса гор. Снега нет — наконец-то юг начинает сказываться. В лесу сразу стало больше птиц, появились зяблики, черные дрозды, большие синицы. На прошлогодних листьях, еле прикрытых снегом, хорошо отпечатались следы гурта кабанов; чуть ниже прошел еще кабан — видимо, большой секач. А выше в пихтовом лесу мы видели следы только одних куниц (всего отмечено 7 следов).

С лыжами «на ремне» мы вступаем уже в сумерках в Рудник. До поляны осталось шесть километров, но они уже пролегают по шоссе, и наш переход можно считать законченным.

Страна снега осталась далеко сзади, теперь виденное кажется далекой несбыточной сказкой... Псеашхо поставил на нашем пути тяжелые препятствия, но с помощью лыж и воли коллектива они были побеждены.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Утром шестнадцатого марта, ровно на десятый день пути, группа вступила в Красную Поляну. Вечером того же дня был организован заключительный митинг, на котором мы подвели итоги перехода и нашей работы в горах.

Что дал переход? Оправдал ли он возлагавшиеся на него надежды по работе? Да — переход дал очень много.

Мы доказали, что с помощью лыж горы заповедника и сам Главный хребет вполне достижимы в зимний период. На будущее это открывает широчайшие перспективы для научной работы. Но и в этом году нам много удалось сделать. Мы собрали обширный материал по распределению снежного покрова в горах, получили ценные сведения о местонахождении зимовок различных животных в горах заповедника. Собран интересный материал по влиянию лавин и снеговалов на лесные насаждения. Собранный материал должен явиться главнейшим базисом для научных работ в этом направлении. Наконец, с чисто туристической точки зрения, переход, несмотря на все трудности, дал очень много участникам и особенно ярко доказал эффективность взаимной работы альпинистов и горных лыжников с научными работниками. Может быть в этом походе — последнее является главнейшим.

1935 г.